

Накачка идеологических энергий растет буквально на глазах. То, что идеологическая напряженность в социальной жизни вовсе не архивное достояние, показали недавно США, Европа, Гонконг, каскад событий «арабской весны» и «цветных» потрясений на постсоветском пространстве. Эти события вдохновлены, безусловно, идеологическими мотивами. Их происхождение, даже если это явным образом не осознают адепты, восходит к одной из пяти базовых идеологических традиций XX в. (либерализм, коммунизм, нацизм, антиколониализм, анархизм). Теперь они манифестируют себя гибридно. Наиболее популярны идейные бинары: «свобода плюс справедливость» или «долгой коррупцию и прогнивший режим». Новое дыхание получил анархизм, особенно в движениях криптоанархистов и шифропанков. Довольно причудливые и разнообразные формы имеет современный консерватизм. В ряд мутировавших видов можно отнести ИГИЛизм, воплощающий горючую смесь нигилизма, радикализованного сектантства, жажды социальной справедливости и патернализма.

С 1960-х годов о себе заявили две новые идеологические конструкции, которые разрабатывают тематику глобальную и технологическую, причем обе — в дихотомической растяжке: с антиглобализмом и луддизмом в их актуальных разновидностях. Глобализм в различных модификатах до прихода в Белый дом Дональда Трампа представлял как успешная идеологическая формула, отражавшая установление монополярного мироустройства с конца 1980-х годов, после завершения холодной войны. Его, между прочим, подпитывало и произвольное ассоциирование его многими со «всемирной отзывчивостью». В итоге возник специфический идеологический гибрид либерализма и глобализма, якобы благословенный Ф.М. Достоевским.

Александр Агеев

www.ageev.net

DOI: 10.33917/es-5.179.2021.5

НАКАЧКА ЭНЕРГИЙ

Технологические перемены и активная разработка проектов будущего вызвали к жизни пестрое ассорти концептов «нового человека» («цифролюди», «ГМО-люди», «трансгуманисты», «служебные люди», «сингуляры», «новые европейцы», «новые кочевники» и т.п.).

Набирает силу также и комплекс идей, связанных с концептом ноосферы, космизма, «лучистого человечества», интегрализма. За ним — содержательная научная основа, восходящая к В.И. Вернадскому и Тейяру де Шардену, фантастам XX в. (Герберт Уэллс, И.А. Ефремов, Станислав Лемм, братья Стругацкие), философам и ученым (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский), но важнее — за этими идеями стоят научно-практические триумфы человеческого гения середины XX в.: освоение земного, околоземного и космического пространства, глубин Мирового океана, материи, человеческой биологии и психики и т.п. Этот комплекс представлений при всей их научной обоснованности сложен, опирается на плохо известные в обществе новые научные парадигмы. До манифестации как новой массовой идеологии ему пока далеко.

Конституционная норма РФ об «идеологическом многообразии» зафиксировала обветшание наиболее популярных идеологических моделей XX в. и легализовала новые идейные поиски. Не более, но и не менее.

В эволюции идеологий неизбежны многообразие, полиморфизм. Бесперспективно рисовать упрощенные картины тех эпох, которые и сегодня рисуются одноцветными красками в зависимости от личных и коллективных вкусов, идейных пристрастий и злободневных потребностей. Как период 1917–1991 гг. не был периодом безбрежного доминирования одной идеологии, так и последнее 30-летие отличается сложной эволюцией «идеологического многообразия». Закамуфлировать эту сложность немногими лозунгами было бы слишком примитивным интеллектуальным решением.

Кстати, на подобное упрощенчество власти не решались ни в 1920-е, ни даже в начале 1930-х. «Тихий Дон», «Белая гвардия» — классические примеры стремления понять и представить подлинную реальность социальных трансформаций в их полноте. Но в той эпохе были очень большие вызовы, которые были способны консолидировать общество перед лицом чудовищных угроз.

Нечто похожее просматривается и в эволюции последнего 30-летия. Есть одно, правда, исключение. Нынешнее разнообразие идейно-идеологического состояния общества отличается тем, что можно называть «разросшимся атомизмом», атомизацией. Общество чем дальше, тем больше в своем ценностном спектре рассыпается на индивидуальные атомы, у каждого из которых своя микро- и наноидеология, своя гибкая, обычно несистематизированная ценностная ориентация, свой аккаунт в сонме социальных сетей, который тем ценнее, чем оригинальнее в смысле эпатажности «креатива». А общей угрозы, тем более сопоставимой с 22 июня 1941 г., все-таки нет, как бы ни относиться к ковиду, Украине, санкциям и террористам.

Так или иначе, на текущий момент получается западня. С одной стороны, локализация и атомизация общества; с другой стороны — только сильные средства (события) способны это «многоцветье» встряхнуть и предложить «точку сборки», пусть и ненадолго; с третьей стороны — и то и другое требует усиления государственного вмешательства; с четвертой стороны — само это вмешательство вольно или невольно способно задушить ростки всякой самоорганизации и инициативы, без которой не выдержать международной жесткой конкуренции и пресинга глобальных проблем с природой, экономикой и демографией. Цугцванг, куда ни кинь взор.

В целом общий сдвиг в пользу «материализма» и «эгоизма», происшедший в 1980–2010 гг., существенно подорвал, даже переключил полюса системы ключевых ценностей, на которых строились мировоззрение, ориентации и поведение россиян. Интегральным духовно-психологическим проявлением «перехода к рынку» стало обесмысливание всего того, чем и ради чего жили до этого многие, если не большинство советских людей, вмиг ставших «россиянами». Но рукописи, как известно, не горят. И в библиотеке выстраданного триумфами и поражениями опыта страны и народа сегодня выковывается новый кристалл.